

- **1.1. Внутренний мир человека и его личностные качества. Верность и измена.**

Темы и вопросы, которые можно рассмотреть в рамках направления "Верность и измена":

Как, по-вашему, связаны понятия верность и любовь?

Как, по-вашему, связаны верность и дружба?

Подтвердите или опровергните высказывание У. Черчилля: «Глуп тот человек, который никогда не меняет своего мнения».

Можно ли простить предательство? В чем причины измен и предательств?

Когда возникает выбор между верностью и предательством?

Как вы понимаете слово «верность»? Важно ли быть верным слову?

Что толкает человека на измену?

Согласны ли Вы с утверждением: «Изменник и трус – одного поля ягода».

Что такое "Верность"?

- Верность – это стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга (по словарю С.И.Ожегова)
- Верность – это качество личности, суть которого заключается в том, что человек, определив для себя что-то в жизни, будет неуклонно этому следовать, как бы порой это ни было сложно.
- Верность тесно связана с выбором. Именно выбрав для себя путь в жизни, программу действий, эталон поведения, идеал, ценности, человек следует им в своей жизни. Верность – это линия поведения человека в соответствии с его выбором.
- Верность – это готовность человека отстаивать то, что ему дорого, что ценно в его жизни. Верность делает человека сильнее, смелее, отважнее, настойчивее.
- Верность – это черта характера, которая привлекает людей, потому что верный человек надёжный, он всегда является опорой в любой жизненной ситуации, на такого человека можно положиться, ему можно верить.
- Верность – это постоянство. Верный человек всегда точно знает, чего он хочет, к чему стремится, поэтому достигает высоких результатов, осуществляет задуманное.
- Верность это постоянство чувств к кому-либо. Человек может быть верен в дружбе, любви.
- Такой человек не предаст, не бросит, он надёжен. Без верности не может быть настоящей любви и дружбы.
- Верность всегда связана с терпением, самоотдачей, верный человек не требует ничего взамен, он бескорыстен.
- В основе верности людей всегда доверие друг другу.
- Верность – это основа патриотизма. Человек, верный своему народу, Родине, никогда не станет предателем.
- Верность – это тот стержень, на котором держатся стойкость, смелость, мужество, непреклонность и многие другие качества личности, делающие её патриотом, гражданином своей страны.

▪ **Синонимы к слову «верность»**

1. постоянство
2. преданность
3. надёжность
4. безошибочность

Пословицы про верность

Верный друг любит до смерти.

Хранить верность — это достоинство, познать верность — это честь.

Верность — заповедь дружбы.

Верному другу цены нет.

Верный друг лучше сотни слуг.

Оружие защитит, но лучшая защита — верность.

Верная любовь ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

Благородное сердце не может быть неверным.

Цитаты, афоризмы о верности

Хранить верность – это достоинство, познать верность — это честь.

Мария Фон Эбнер Эшенба

Верность – она как воздух. Про неё не думаешь, пока она есть.

Сергей Ясинский

Есть чувства, которые проверяются только временем. И среди них — верность любви.

Анн и Серж Голон “Анжелика”

Счастье нуждается в верности, несчастье же может обойтись без нее.

Сенека

Слово «верность» принесло много вреда. Люди приучились быть «верными» тысяче несправедливостей и беззаконий. Между тем им следовало быть верным только себе, и тогда они восстали бы против обмана. *Марк Твен*

Будь верен себе, и тогда столь же верно, как ночь сменяет день, последует за этим верность другим людям *Уильям Шекспир.*

Будь верен тому, кто верен тебе. Плавт

В этой жизни верности можно требовать только от собаки. Анатолий Рахматов

Верная любовь помогает переносить все тяготы. Иоганн Фридрих Шиллер

Что такое "Измена"?

- Измена – это качество личности, суть которого заключается в том, что человек нарушил взятые на себя обязательства, предал идеалы, людей, родину, народ.
- Измена это неспособность человека быть верным своему выбору, чего бы он ни касался в жизни: профессионального пути, целей, идеалов, нравственных ориентиров. Изменивший им человек не смог остаться им преданным до конца.
- Измена в любви это нанесение глубокой душевной раны любящему, предательство по отношению ко всему тому, что было так дорого обоим, ценно. Измена соседствует с ложью, делает человека чёрствым, порой даже жестоким по отношению к другому.
- Измена идеалам – это отход человека от тех принципов, ориентиров, которые он выбрал когда-то для себя. Это может лишить его жизненной опоры, сделать несчастным.
- Измена родине, народу это стремление выбрать для себя лично лёгкий путь, выжить любой ценой в трудный для страны период, предать всё, что составляет основу жизни человека.
- Измена- это одно из отрицательных нравственных качеств человека, которое всегда было презираемо в обществе.

Синонимы к слову «измена»:

1. коварство
2. предательство
3. неверность
4. отступничество
5. вероломство

Пословицы об измене

Умереть можно, а изменить нельзя.

Героем падешь — поднимут, изменником станешь — раздавят.

Кто Родине изменяет, того народ презирает.

Изменишь — гибель найдешь, сдашься — в муках умрешь.

За измену народу — головой в воду.

За измену нет прощения.

Кто Родиной не дорожит, тому на свете не жить.

Кто Родиной торгует, того кара не минует.

Изменник и трус — одного поля ягода.

Цитаты, афоризмы об измене

Предательства совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по слабости характера. *Франсуа Ларошфуко*

Предательство – это удар, которого не ждешь. *Пауло Коэльо*

Измена другу – преступление

Без оправдания, без прощенья (*Lone de Vega*).

Легче всего простить свою собственную измену. *Кристина Кофта*

Неверность прощают, но не забывают. *Мари Мадлен де Лафайет*

И.БУНИН КАВКАЗ

Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею. Была она у меня за эти дни всего три раза и каждый раз входила поспешно со словами:— Я только на одну минуту...Она была бледна прекрасной бледностью любящей взволнованной женщины, голос у нее срывался, и то, как она, бросив куда попало зонтик, спешила поднять вуальку и обнять меня, потрясало меня жалостью и восторгом.— Мне кажется, — говорила она, — что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу... Я думаю, что он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере. Раз он мне прямо сказал: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» Теперь он почему-то следит буквально за каждым моим шагом, и, чтобы наш план удался, я должна быть страшно осторожна. Он уже согласен отпустить меня, так внушила я ему, что умру, если не увижу юга, моря, но, ради бога, будьте терпеливы!План наш был дерзок: уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели. Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди черных кипарисов, у холодных серых волн... И она бледнела, когда я говорил: «А теперь я там буду с тобой, в горных джунглях, у тропического моря...» В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это.

В Москве шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернется, было грязно, сумрачно, улицы мокро и черно блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчичьих пролеток. И был темный, отвратительный вечер, когда я ехал на вокзал, все внутри у меня замирало от тревоги и холода. По вокзалу и по платформе я пробежал бегом, надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто.В маленьком купе первого класса, которое я заказал заранее, шумно лил дождь по крыше. Я немедленно опустил оконную занавеску и, как только носильщик, обтирая мокрую руку о свой белый фартук, взял на чай и вышел, на замок запер дверь. Потом чуть приоткрыл занавеску и замер, не сводя глаз с разнообразной толпы, взад и вперед сновавшей с вещами вдоль вагона в темном свете вокзальных фонарей. Мы условились, что я приеду на вокзал как можно раньше, а она как можно позже, чтобы мне как-нибудь не столкнуться с ней и с ним на платформе. Теперь им уже пора было быть. Я смотрел все напряженнее — их все не было. Ударил второй звонок — я похолодел от страха: опоздала или он в последнюю минуту вдруг не пустил ее! Но тотчас вслед за тем был поражен его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шинелью и рукой в замшевой перчатке, которой он, широко шагая, держал ее под руку. Я отшатнулся от окна, упал в угол дивана, рядом был вагон второго класса — я мысленно видел, как он хозяйственно вошел в него вместе с нею, оглянулся, — хорошо ли устроил ее носильщик, — и снял перчатку, снял картуз, целуясь с ней, крестя ее... Третий звонок оглушил меня, тронувшийся поезд поверг в оцепенение... Поезд расходился, мотаясь, качаясь, потом стал нести ровно, на всех парах... Кондуктору, который проводил ее ко мне и перенес ее вещи, я ледяной рукой сунул десятирублевую бумажку...

Войдя, она даже не поцеловала меня, только жалостно улыбнулась, садясь на диван и снимая, отцепляя от волос шляпку.— Я совсем не могла обедать, — сказала она. — Я думала, что не выдержу эту страшную роль до конца. И ужасно хочу пить. Дай мне нарзану, — сказала она в первый раз говоря мне «ты». — Я убеждена, что он поедет вслед за мною. Я дала ему два адреса, Геленджик и Гагры. Ну вот, он и будет дня через три-четыре в Геленджике... Но бог с ним, лучше смерть, чем эти муки...

Утром, когда я вышел в коридор, в нем было солнечно, душно, из уборных пахло мылом, одеколоном и всем, чем пахнет людный вагон утром. За мутными от пыли и нагретыми окнами шла ровная выжженная степь, видны были пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами, мелькали железнодорожные будки с канареечными кругами подсолнечников и алыми мальвами в палисадниках... Дальше пошел

безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо подобное пыльной туче, потом призраки первых гор на горизонте...

Из Геленджика и Гагр она послала ему по открытке, написала, что еще не знает, где останется. Потом мы спустились вдоль берега к югу.

Мы нашли место первобытное, заросшее чинаровыми лесами, цветущими кустарниками, красным деревом, магнолиями, гранатами, среди которых поднимались веерные пальмы, чернели кипарисы... Я просыпался рано и, пока она спала, до чая, который мы пили часов в семь, шел по холмам в лесные чащи. Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор... Назад я проходил по знойному и пахнущему из труб горящим кизяком базару нашей деревни: там кипела торговля, было тесно от народа, от верховых лошадей и осликов, — по утрам съезжалось туда на базар множество разноплеменных горцев, — плавно ходили черкешенки в черных длинных до земли одеждах, в красных чувяках, с закутанными во что-то черное головами, с быстрыми птичьими взглядами, мелькавшими порой из этой траурной запутанности. Потом мы уходили на берег, всегда совсем пустой, купались и лежали на солнце до самого завтрака. После завтрака — все жаренная на шкаре рыба, белое вино, орехи и фрукты — в знойном сумраке нашей хижины под черепичной крышей тянулись через сквозные ставни горячие, веселые полосы света. Когда жар спадал и мы открывали окно, часть моря, видимая из него между кипарисов, стоявших на скате под нами, имела цвет фиалки и лежала так ровно, мирно, что, казалось, никогда не будет конца этому покою, этой красоте. На закате часто громоздились за морем удивительные облака; они пылали так великолепно, что она порой ложилась на тахту, закрывала лицо газовым шарфом и плакала: еще две, три недели — и опять Москва! Ночи были теплы и непроглядны, в черной тьме плыли, мерцали, светили топазовым светом огненные мухи, стеклянными колокольчиками звенели древесные лягушки. Когда глаз привыкал к темноте, выступали вверху звезды и гребни гор, над деревней вырисовывались деревья, которых мы не замечали днем. И всю ночь слышался оттуда, из духана, глухой стук в барабан и горловой, заунывный, безнадежно-счастливый вопль как будто все одной и той же бесконечной песни. Недалеко от нас, в прибрежном овраге, спускавшемся из лесу к морю, быстро прыгала по каменистому ложу мелкая, прозрачная речка. Как чудесно дробился, кипел ее блеск в тот таинственный час, когда из-за гор и лесов, точно какое-то дивное существо, пристально смотрела поздняя луна! Иногда по ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой черноте лесов то и дело разверзались волшебные зеленые бездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома. Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, тывкали чекалки... Раз к нашему освещенному окну сбежалась целая стая их, — они всегда сбегаются в такие ночи к жилью, — мы открыли окно и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящим ливнем и тывкали, просились к нам... Она радостно плакала, глядя на них.

Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи, он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов. 12 ноября 1937

А.Моруа «Фиалки по средам».

— О Женни, останьтесь! За обедом Женни Сорбье была ослепительна. Она обрушила на гостей неистощимый поток всевозможных историй и анекдотов, которые рассказывала с подлинным актёрским мастерством и вдохновением прирождённого писателя. Гостям Леона Лорана — очарованным, восхищённым и покорённым — время, проведённое в её обществе, показалось одним волшебным мгновением. — Нет, уже почти четыре часа, а ведь сегодня среда... Вы же знаете, Леон, в этот день я всегда отношу фиалки моему другу... — Как жаль! — произнёс Леон своим неподражаемым раскатистым голосом, составившим ему немалую славу на сцене. — Впрочем, ваше постоянство всем известно... Я не стану вас удерживать.

Женни расцеловалась с дамами, мужчины почтительно поцеловали её руку, и она ушла. Как только за ней закрылась дверь, гости наперебой принялись расточать ей восторженные похвалы. — Она и впрямь восхитительна! Сколько лет ей, Леон? — Что-то около восьмидесяти. Когда в детстве мать водила меня на классические утренники Комеди Франсез, Женни, помнится, уже блистала в роли Селимены. А ведь я тоже не молод. — Талант не знает старости, — вздохнула Клер Менетрие. — А что это за история с фиалками? — О, да тут целый роман...

Она как-то поведала мне его, однако никогда об этом не писала... Но я просто не рискую выступать в роли рассказчика после неё. Сравнение будет для меня опасным. — Да, сравнение вообще опасно. Но ведь мы у вас в гостях, и ваш долг — развлекать нас. Вы просто обязаны заменить Женни, раз уж она нас покинула. — Ну что ж! Я попытаюсь рассказать вам историю фиалок по средам... Боюсь только, как бы она не показалась слишком сентиментальной по нынешним временам... — Не бойтесь, — произнёс Бертран Шмит. — Наше время жаждет нежности и любви. Под напускным цинизмом оно прячет тоску по настоящим чувствам. — Вы так думаете?.. Что ж... Если так, я постараюсь утолить эту жажду... Все вы, здесь сидящие, слишком молоды, чтобы помнить, как хороша была Женни в годы высшего расцвета своей славы. Огненно-рыжие волосы свободно падали на её восхитительные плечи, лукавые раскосые глаза, звучный, почти резкий голос, в котором вдруг прорывалось чувственное волнение, — всё это ещё больше подчёркивало её яркую и гордую красоту. — А вы красноречивы, Леон! — Боюсь, что моё красноречие несколько старомодно. Но всё же благодарю...

Женни окончила консерваторию в 1895 году с первой премией и сразу же была приглашена в Комеди Франсез. Увы, я по собственному опыту знаю, как тяжело приходится новичку в труппе этого знаменитого театра. На каждое амплуа имеется актёр с именем, ревниво оберегающий свои роли. Самая восхитительная из субреток может лет десять дожидаться выигрышной роли в пьесах Мариво и Мольера. Чаровница Женни столкнулась с властными, цепкими королевами сцены. Всякая другая на её месте смирилась бы со своей участью или, промаявшись год-два, перебралась бы в один из театров бульвара Мадлен. Но не такова была наша Женни. Она ринулась в бой, пустив в ход всё, что у неё было: талант актрисы и блестящую образованность, всё своё обаяние и свои восхитительные волосы. Очень скоро она стала одной из ведущих актрис театра. Директор в ней души не чаял. Драматурги наперебой требовали, чтобы она играла созданные ими трудные роли, уверяя, что никто, кроме неё, не сумеет донести их до публики. Критики с небывалым постоянством пели ей дифирамбы. Сам грозный Сарсэ, и тот писал о ней: «Один поворот её головы, один звук её голоса способен очаровать даже крокодила».

Мои отец, который в те годы был с ней знаком, рассказывал, что она страстно любила своё ремесло, судила о нём с умом и неустанно отыскивала новые, волнующие актёрские приёмы. В ту пору в театре увлекались реализмом довольно наивного толка. Если роль предписывала Женни умереть в какой-то пьесе от яда, она всякий раз перед спектаклем отправлялась в больницу — взглянуть на мучения тех, кто погибал от отравы. Борьбу человеческих чувств она изучала на самой себе. Служа искусству, она выказывала то же полное отсутствие щепетильности, которым отличался Бальзак, описавший в одном из своих романов собственные страсти и чувства любимой им женщины. Вы, конечно, догадываетесь, что у девушки двадцати двух лет, ослепительно прекрасной и молниеносно завоевавшей громкую славу, должно было появиться множество поклонников. Приятели по театру, драматурги, банкиры — все пытались завоевать её расположение. Она избрала банкира Анри Сталь. Не потому, что он был богат, — Женни жила вместе с родными и ни в чём не нуждалась. А потому, что он, как и она, обладал редким обаянием, и главное — предлагал ей законный брак. Вы, возможно, знаете, что брак этот состоялся не сразу, — родители Сталя долго не давали своего согласия. Анри и Женни поженились

лишь спустя три года, но вскоре разошлись — Женни с её независимым характером не в силах была подчиниться семейному рабству.

Но это уже другая история. А сейчас вернёмся к Комеди Франсез, к дебюту нашей Женни и... к фиалкам. Представьте себе артистическое фойе в тот самый вечер, когда Женни вновь появилась в «Принцессе Багдадской» Дюма-сына. Пьеса эта не лишена недостатков. И даже у меня, склонного восхищаться такими добротными сделанными пьесами, как «Полусвет», «Друг женщин», «Франсийон», капризы Дюма в «Чужестранке» и «Принцессе Багдадской» вызывают улыбку. Однако все, кто видел Женни в главной роли, писали, что она сумела создать правдоподобный образ. Мы часто говорим с ней о тех временах. Как ни странно, Женни сама верила тому, что играла. «В свои юные годы, — призналась она мне, — я рассуждала почти так же, как какая-нибудь героиня Дюма-сына, и до чего же удивительно было играть на залитой светом сцене то, что зрело во мне, в самых тайниках моей души». Добавьте ещё, что эта роль позволяла ей прибегнуть к эффектному приёму: она распускала свои чудесные волосы, которые падали на прекрасные обнажённые плечи. Одним словом, Женни была великолепно. В антракте, после овации, которую устроила ей публика, она вышла в артистическое фойе. Все тотчас столпились вокруг неё. Женни опустилась на диван, рядом с Анри Сталем. Она весело болтала с ним, вся во власти того радостного возбуждения, которое даёт победа. — Ах, мой милый Анри!.. Вот я снова выплыла на поверхность! Наконец-то я дышу полной грудью... Вы сами видели, как я играла три дня назад... Правда, ведь я никуда не годилась?.. Фу! Мне казалось, что я барахтаюсь на самом дне. Я задыхалась. И вот наконец — сегодняшний вечер. Сильный рывок — и опять я на поверхности! Послушайте, Анри; а что, если я провалюсь в последнем акте? Что, если у меня неостанется сил доплыть до конца? О боже, боже! Вошедший капельдинер вручил ей цветы. — От кого бы это? А, от Сен-Лу... От вашего соперника, Анри... Отнесите букет в мою уборную. — И ещё письмо, мадемуазель, — сказал капельдинер. Распечатав послание, Женни звонко рассмеялась: — Записка от лицеиста. Он пишет, что они создали в лицее «Клуб поклонников Женни». — Весь «Жокей-клуб» ныне превратился в клуб ваших поклонников... — Меня больше трогают лицеисты... А это послание к тому же заканчивается стихами... Послушайте, дорогой мой... Скромные строки: «Я вас люблю» — Не судите и не отвергайте, И бедного автора — нежно молю — Директору не выдавайте. — Ну, разве не прелесть? — Вы ответите ему? — Конечно, нет. Таких писем я получаю ежедневно не меньше десятка... Если я начну на них отвечать, я пропаду... Но письма меня радуют... Эти шестнадцатилетние поклонники ещё долго будут мне верны... — Как знать... В тридцать лет они уже будут нотариусами. — А почему бы нотариусам не быть моими поклонниками? — Вот ещё просили вам передать, мадемуазель, — сказал подошедший снова капельдинер. И он протянул Женни букетик фиалок за два су. — О, как это мило, поглядите, Анри! А записки нет? — Нет, мадемуазель. Швейцар сказал мне, что фиалки принёс какой-то студент Политехнической школы. —

Дорогая, — воскликнул Анри Сталь. — Позвольте вас поздравить! Право, потрясти этих «икс-игреков» не так-то просто. Женни глубоко вдохнула запах фиалок. — Какой дивный аромат! Только такие знаки внимания и радуют меня. Терпеть не могу солидную, довольную собой публику, ту, что является поглазеть, как я буду умирать, в полночь, точно так же, как в полдень спешит в Пале-Рояль — послушать, как стреляет пушка. — Зрители — садисты, — ответил Анри Сталь. — Они всегда такими были. Вспомните бои гладиаторов... Каким успехом пользовалась бы актриса, вздумавшая проглотить набор иголок! Женни рассмеялась: — А если какая-нибудь актриса вздумала бы проглотить швейную машину, слава её достигла бы апогея! Послышался возглас: «На сцену!» Женни встала: — Ну что ж, до скорого... Пойду глотать иголки!.. Вот так, по рассказу Женни, и началась вся эта история.

В следующую среду во время последнего антракта улыбающийся капельдинер снова принёс Женни букетик фиалок. — Вот как! — воскликнула она. — Неужто опять тот же студент? — Да, мадемуазель. — А каков он из себя? — Не знаю, мадемуазель. Хотите, спрошу у швейцара? — Нет, не стоит, какая разница...

В среду на следующей неделе спектакля не было, но когда в четверг Женни пришла на репетицию, букетик фиалок, на сей раз немного увядший, уже лежал в её уборной. Покидая театр, она заглянула в каморку швейцара. — Скажите-ка, Бернар, фиалки принёс... всё тот же молодой человек? — Да, мадемуазель... В третий раз. — А каков он из себя, этот студент? — Он славный мальчик, очень славный... Пожалуй, немного худощав, щёки у него впалые и глаза печальные, небольшие чёрные усики и лорнет... Лорнет и сабля на боку — это, конечно, смешно... Право, мадемуазель, юноша,

видимо, влюблён не на шутку... Всякий раз он протягивает мне свои фиалки со словами: «Для мадемуазель Женни Сорбье» — и заливается краской... — Отчего он всегда приходит по средам? — А вы разве не знаете, мадемуазель?

В среду у студентов Политехнической школы нет занятий. В этот день они заполняют весь партер и галёрку... Каждый приводит с собой барышню... — И у моего есть барышня? — Да, мадемуазель, да только это его сестра... Они так похожи друг на друга, просто диву даёшься... — Бедный мальчик! Будь у меня сердце, Бернар, я бы попросила вас хоть разочек пропустить его за кулисы, чтобы он мог сам вручить мне свои фиалки. — Не советую, мадемуазель, никак не советую... Пока этих театральных воздыхателей почти не замечают, они не опасны. Они восхищаются актрисами издали, и это вполне их удовлетворяет... Но стоит показать им малейший знак внимания, как они сразу начнут докучать вам, и это становится ужасным... Протянешь им мизинец, они ладонь захватят... Протянешь ладонь — руку захватят. Смейтесь, смейтесь, мадемуазель, да только я-то знаю, как это бывает. Двадцать лет служу в этом театре! Уж сколько влюблённых барышень я повидал на своём веку в этой каморке... И свихнувшихся молодых людей... И стариков... Я всегда принимал цветы и записки, но никогда не пропускал никого из них наверх. Чего нельзя, того нельзя! — Вы правы, Бернар. Что ж, будем холодны, осмотрительны и жестоки! — Какая тут жестокость, мадемуазель, просто здравый смысл... **Прошли недели. Каждую среду Женни получала свой букетик фиалок за два су. Весь театр прослышал об этом.**

Однажды одна из актрис сказала Женни: — Видела я твоего студента... Он очарователен, такая романтическая внешность... Прямо создан, чтобы играть в «Подсвечнике» или «Любовью не шутят». — Откуда ты знаешь, что это мой студент? — Я случайно заглянула к швейцару в ту самую минуту, когда он принёс цветы и робко попросил: «Пожалуйста, передайте мадемуазель Женни Сорбье...» Это была трогательная картина. Видно, юноша умён и не хотел казаться смешным, но всё же он не мог скрыть волнения... Я даже на минуту пожалела, что он не мне носит фиалки, уж я отблагодарила бы его и утешила... Заметь, он ничего не просил, даже не добивался разрешения увидеть тебя... Но будь я на твоём месте... — Ты бы приняла его? — Конечно, и уделила бы ему несколько минут. Ведь он так давно ходит сюда. К тому же и каникулы подоспели. Ты уедешь, так что нечего опасаться, что он начнёт тебе досаждать... — Ты права, — сказала Женни. — Сущее безумие пренебрегать поклонниками, когда они молоды и им нет числа, а потом гоняться за ними спустя тридцать лет, когда их останется совсем немного и все они обзаведутся лысиной... Выходя в этот вечер из театра, она сказала швейцару: — Бернар, в среду, когда студент опять принесёт фиалки, скажите ему, чтобы он сам вручил их мне после третьего акта... Я играю в «Мизантропе». По роли я переодеваюсь всего один раз. Я поднимусь в свою уборную и там приму его... Нет, лучше я подожду его в коридоре, у лестницы или, может быть, в фойе. — Хорошо. Вы не боитесь, мадемуазель, что... — Чего мне бояться? Через десять дней я уеду на гастроли, а этот мальчик прикован к своей Политехнической школе. — Хорошо, мадемуазель... А всё же, на мой взгляд...

В следующую среду Женни играла Селимену с особым блеском, вся во власти горячего желания понравиться незнакомцу. Когда наступил антракт, она ощутила острое любопытство, почти тревогу. Она устроилась в фойе и стала ждать. Вокруг неё сновали завсегдатаи театра. Директор о чём-то беседовал с Бланш Пьерсон, слывшей в те времена соперницей Женни. Но нигде не было видно чёрного мундира. Охваченная нетерпением, взволнованная, Женни отправилась искать капельдинера. — Никто меня не спрашивал? — Нет, мадемуазель.

— Сегодня среда, а фиалок моих нет как нет. Может быть, Бернар забыл передать их... Или тут какое-нибудь недоразумение? — Недоразумение, мадемуазель? Какое недоразумение? Если угодно, я схожу к швейцару? — Да, пожалуйста... Впрочем, нет, не стоит. Я сама расспрошу Бернара, когда пойду домой. Она посмеялась над собой: «Странные мы создания, — подумала она, — в течение шести месяцев я едва замечала робкую преданность этого юноши. И вдруг сейчас только потому, что мне недостаёт этих знаков внимания, которыми я всегда пренебрегала, я волнуюсь, словно жду любовника... «Ах, Селимена, как сильно пожалеешь ты об Альцесте, когда он покинет тебя, охваченный нестерпимым горем!»» После спектакля она заглянула к швейцару. — Ну как, Бернар, где мой поклонник? Вы не прислали его ко мне? — Мадемуазель, как назло, сегодня он не приходил... В первый раз за полгода он не явился в театр — именно в тот самый день, когда мадемуазель согласилась его принять. — Странно. Может быть, кто-нибудь предупредил его и он испугался?

— Нет, мадемуазель, что вы... Никто и не знал об этом, кроме вас и меня... Вы никому не сказали? Нет? Ну и я тоже молчал... Я даже жене ничего не говорил... — Так как же вы всё это объясните? — А никак не объясню, мадемуазель... Может быть, случайно так совпало. А может быть, ему наскучило всё это... Может быть, он захворал... Поглядим в следующую среду... Но и в следующую среду опять не было ни студента, ни фиалок. — Что же теперь делать, Бернар?.. Как выдумаете, может быть, приятели его помогут нам разыскать юношу? А, может быть, обратиться к директору Политехнической школы? — Но как мы это сделаем, мадемуазель? Мы ведь даже не знаем его имени. — И то правда, Бернар. Как всё это грустно! Не везёт мне, Бернар. — Полно, мадемуазель. Вы с таким блеском провели этот сезон. Скоро вы уедете на гастроли, где вас ждут новые успехи... Разве не грех говорить, будто вам не везёт! — Вы правы, Бернар! Я просто неблагодарное существо... Да только уж очень я привыкла к своим фиалкам.

На следующий день Женни покинула Париж. Анри Сталь сопровождал её в этой поездке. В какой бы гостинице ни остановилась Женни, её комната всегда утопала в розах. Когда она возвратилась в Париж, она уже позабыла о романтическом студенте. Спустя год она получила письмо от некоего полковника Женеврьер, который просил принять его по личному делу. Письмо было написано, очень корректно, с большим достоинством, и не было никакой причины отказывать в свидании. Женни предложила полковнику навестить её в один из субботних вечеров. Он пришёл, одетый в чёрное штатское платье. Женни встретила его с той очаровательной непосредственностью, которой её наделила природа и научила сцена. Но во всём её поведении, естественно, проскальзывал немой вопрос: что нужно от неё этому незнакомцу? Она терпеливо ждала объяснений. — Благодарю вас, мадемуазель, за то, что вы согласились принять меня. Я не мог объяснить в письме цель своего визита. И если я позволил себе просить вас о свидании, то, поверьте, не мужская дерзость тому причиной, а родительские чувства... Вы видите, я одет во всё чёрное. **Я ношу траур по сыну, лейтенанту Андре де Женеврьер, убитому на Мадагаскаре два месяца назад.** Женни сделала невольное движение, словно желая сказать: «Сочувствую вам от всего сердца, но только...»

— Вы не знали моего сына, мадемуазель, мне это известно... Но зато он знал вас и восхищался вами. Вам покажется это невероятным, а между тем всё, что я расскажу вам сейчас, — чистейшая правда. **Он любил и боготворил вас больше всех на свете...** — Кажется, я начинаю понимать, полковник. Он сам поведал вам об этом?.. — Мне? Нет. Он рассказал обо всём сестре, которая была поверенной его тайны. Всё началось в тот день, когда он пошёл вместе с ней смотреть «Игру любви и случая». Возвратившись домой из театра, дети мои с восхищением отзывались о вас: «Сколько тонкости и чистоты в её игре, сколько волнующей поэзии!..» Они говорили ещё много такого, что наверняка было справедливо, я в этом не сомневаюсь... И всё же страстность, присущая молодости, её готовность идеализировать... Мой бедный мальчик был мечтателем, романтиком. — Боже мой, — воскликнула Женни, — так значит, это он...

— Да, мадемуазель, **тот самый студент Политехнической школы, который из месяца в месяц каждую среду приносил вам букетик фиалок, был мой сын — Андре...** Это я тоже узнал от своей дочери. Надеюсь, подобное ребячество, наивный знак восхищения не рассердил вас?.. Он ведь так сильно любил вас или, быть может, тот созданный его воображением образ, который он носил в своём сердце... Стены его комнаты были увешаны вашими портретами... Сколько усилий стоило его сестре раздобыть у ваших фотографов какой-нибудь новый портрет!.. В Политехнической школе приятели посмеивались над его страстью. «Напиши ей обо всём!» — говорили они. — Жаль, что он этого не сделал...

— Сделал, мадемуазель! Я принёс вам целую пачку писем, которые так и не были отправлены. Мы нашли их после его смерти. Достав из кармана пакет, полковник вручил его Женни. Однажды она показала мне эти письма — почерк тонкий, стремительный, неразборчивый. Почерк математика, зато стиль поэта. — Сохраните эти письма, мадемуазель. Они принадлежат вам. И простите меня за необычный визит... Мне казалось, что я обязан сделать это в память о сыне... В чувстве, которое вы ему внушали, не было ничего непочтительного, легкомысленного... Он считал вас олицетворением красоты и совершенства... Уверяю вас, Андре был достоин своей великой любви. — Но отчего же он не пытался увидеть меня? Отчего я сама не постаралась встретиться с ним?.. Ах, как я ненавижу себя за это, как ненавижу... — Не корите себя, мадемуазель... Вы же не могли знать... Тотчас после окончания Политехнической школы Андре попросил направить его на Мадагаскар... Не скрою,

причиной этого решения были вы... Да, он говорил сестре: **«Одно из двух: или разлука излечит меня от этой безнадёжной страсти, или же я совершу какой-нибудь подвиг и тогда...»** — Разве скромность, постоянство и благородство не лучше всякого подвига? — со вздохом произнесла Женни. Заметив, что полковник собирается уходить, она порывисто схватила его за руки. — Кажется, я не совершила ничего дурного, — сказала она, — и всё же... И всё же сдаётся мне, что и у меня есть долг по отношению к покойному, не успевшему вкусить радости жизни... Послушайте, полковник, скажите мне, где похоронен ваш сын... Клянусь вам: пока я жива, я каждую среду буду приносить букетик фиалок на его могилу.

— Вот почему, — закончил свой рассказ Леон Лоран, — вот почему наша Женни, которую многие считают женщиной скептической, сухой, даже циничной, неизменно каждую среду покидает друзей, работу и порой любимого человека и идёт одна на кладбище Монпарнас, к могиле незнакомого ей лейтенанта... Ну вот, теперь вы и сами видите, что я был прав, — история эта слишком сентиментальна для нынешних времён. Наступило молчание. Затем Бертран Шмит сказал: — На свете всегда будет существовать романтика для того, кто её достоин.

Тема верности и измены может осмысливаться в разных контекстах:

1. Верность и измена в любви.

А.С.Пушкин, «Капитанская дочка». Эта историческая повесть показывает нам немало примеров верной любви между мужчиной и женщиной на протяжении всего произведения. Наиболее яркой парой являются Петр Гринев и Маша Миронова. Их чувства зародились практически с самого знакомства. Молодой дворянин Гринев прибыл в Белогорскую крепость, капитаном которой был отец Марии. Петр влюбился, но его чувства сразу же столкнулись с преградами. Он отстаивал честь девушки в поединке, вызвав на дуэль Швабрина, который распускал гнусные слухи о Маше. Петр не поверил кляузнику и рискнул жизнью, отстаивая доброе имя возлюбленной. Но родители не разделяли его мнения и запретили помолвку. Тем не менее, ни Марья, ни Петр не разуверились в своей любви. В сложной ситуации именно Гринев пришел на помощь своей невесте и отправил ее в родительский дом. Когда Петра арестовали по подозрению в предательстве страны, он всеми силами старался не упоминать имени девушки, чтобы тень сомнений не пала на нее. Героиня тоже отплатила добром своему возлюбленному. Маше также удалось попасть к самой императрице, чтобы просить ее о помиловании для Петра. Как мы видим, несмотря на преграды и испытания, персонажи не забыли своих обещаний и эмоций, не изменили тому, что ценили больше всего. В их постоянстве и упорстве и выражается преданность. Их взаимная любовь и верность друг другу принесла им много счастья в жизни.

А.Н. Островский, «Гроза». Автор рассказывает нам о жизни семьи Кабановых, главой которой считается мать Тихона, Кабаниха. Она очень властная женщина, которая не считается ни с чьим мнением и угнетает всю семью. Бедная жена Тихона, Катерина, рано вышла замуж. Если в своей семье ей жилось хорошо, то в доме супруга она была постоянно напряжена. Атмосфера дома давила и на нее, и на ее мужа. Никто не был там счастлив. Возможно, ни будь рядом матери главного героя, то их брак и мог бы стать счастливым, но у Тихона не было ни самостоятельности, ни смелости, ни упорства, чтобы защитить свою избранницу. Сам он часто отлучался из дома и в кабаках мог позволить себе всякие вольности, что говорит о его недостаточной любви к Катерине. Поэтому все обстоятельства привели к измене со стороны

главной героини. Однако мы не можем сказать, что из-за этого она стала для читателя неприятным персонажем. Возможно, мы даже можем ее понять. Но себя она не простила. Не выдержав бремени, она уходит из жизни, оставляя Тихона наедине с деспотичной матерью. Эта печальная история показывает нам, что не всегда человек решается на измену только потому, что он плохой. Порой обстоятельства попросту вынуждают его.

Н.Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда». Главная героиня повести – Катерина Измайлова. Она находится в браке с престарелым купцом Зиновием Измайловичем. Супруг много времени уделяет работе и мало жене. Очень часто героиня остается одна, когда Зиновий Измайлович уезжает в командировки. Поэтому Катерина истосковалась по любви и нежности, которую она не получала от мужа. Все это она нашла в объятиях Сергея, приказчика в их доме. Он то и соблазнил хозяйку. Но его мотивы не были чисты. Он жаждал лишь денег, а потому чувства и будущее Катерины его мало волновали. Сергей стал подельником Катерины во многих преступлениях. Она шла на грех ради любви, думала, что только такой ценой покупается счастье, а Сергей жаждал богатства и власти любой ценой, никакая любовь его не вдохновляла. Но этот ужасный замысел раскрылся, и Сергей потерял всякий интерес к Катерине, а ее ждала каторга на долгие годы. Мы видим, что и в этом произведении автор показывает нам печальную судьбу предателей. Что Катерина, что Сергей предали своих близких людей. За это они и поплатились всем, что было им дорого. Измена приводит к полной деградации личности и ее социальной изоляции.

Л.Н. Толстой, «Война и мир». В романе также поднимается и тема измен в любовных отношениях. Элен Курагина была нечестна со своим мужем Пьером Безуховым. Она изменяла ему открыто и не стеснялась. Объясняла она это тем, что Пьер не привлекал ее, а вышла она за него замуж только ради денег. По ее мнению, алчность вполне оправдывала ее, как и лицемерные стандарты светского общества, которое принимало эту жизнь во лжи за чистую монету. Элен было все равно, что чувствует Пьер. Она отдалилась от него и сохраняла отношения только для вида. В финале она даже хотела развестись с мужем, что было бы честнее, но не успела. Роковая болезнь погубила ее. Но самое страшное, что ее смерть никого не опечалила. Из-за ветрености и изменчивости Элен так и не смогла построить такие отношения, в которых ею дорожили бы всерьез. Любовники лишь развлекались с ней, серьезных чувств не испытывали. Героиня была одинока и жила в иллюзиях, таковы последствия ее предательства.

2. Верность и измена идеалам, Родине, народу.

М.Шолохов Судьба человека (отрывок).

.....Как только солнце село, немцы усилили конвой, на грузовой подкинули еще человек двадцать автоматчиков, погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли поспевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. Двое попытались бежать, а того не учли, что в лунную ночь тебя в чистом поле черт-те насколько видно,— ну, конечно, и этих постреляли. В полночь пришли мы в какое-то полусожженное село. Ночевать загнали нас в церковь с разбитым куполом. На каменном полу — ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастерках и штанах, так что постелить и разу нечего. Кое на ком даже и гимнастерок не было, одни бязевые исподние рубашки. В большинстве это были младшие командиры. Гимнастерки они посымали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. И еще артиллерийская прислуга была без гимнастерок. Как работали возле орудий растелешенные, так и в плен попали.

Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь. Тут купол снесло тяжелым снарядом или бомбой с самолета, а тут крыша вся начисто побита осколками, сухого места даже в алтаре не найдешь. Так всю ночь и прослонялись мы в этой церкви, как овцы в темном катухе. Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит. Он твердо так говорит: «Сымай гимнастерку и нижнюю рубашку». Я снял все это с себя, он и начал руку в плече прощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света невзвидел. Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он все щупает и злобно так отвечает: «Твое дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас еще больнее будет». Да с тем как дернет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты ее так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я ее на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошел в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену, и в потемках свое великое дело делал.

Беспокойная это была ночь. До ветру не пускали, об этом старший конвоя предупредил, еще когда попарно загоняли нас в церковь. И, как на грех, приспичило одному богомольному из наших выйти по нужде. Крепился-крепился он, а потом заплакал... «Не могу,— говорит,— осквернять святой храм! Я ж верующий, я христианин! Что мне делать, братцы?» А наши знаешь какой народ? Одни смеются, другие ругаются, третьи всякие шуточные советы ему дают. Развеселил он всех нас, а кончилась эта канитель очень даже плохо: начал он стучать в дверь и просить, чтобы его выпустили. Ну, и допросился: дал фашист через дверь, во всю ее ширину, длинную очередь и богомольца этого убил, и еще трех человек, а одного тяжело ранил, к утру он скончался.

Убитых сложили мы в одно место, присели все, притихли и призадумались: начало-то не очень веселое... А немного погодя заговорили вполголоса, зашептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомцы из одной роты порастерялись, начали один одного потихоньку окликать. И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: «Если завтра, перед тем как гнать нас дальше, нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастерку снял, так за рядового сойдешь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты коммунист и меня агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела». Это говорит ближний ко мне, какой рядом со мной сидит, слева, а с другой стороны от него чей-то молодой голос отвечает: «Я всегда подозревал, что ты, Крыжнев, нехороший человек. Особенно когда ты отказался вступать в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем. Ведь ты же окончил семилетку?» Тот лениво так отвечает своему взводному: «Ну, окончил, и что из этого?»

Долго они молчали, потом, по голосу, взводный тихо так говорит: «Не выдавай меня, товарищ Крыжнев». А тот засмеялся тихонько. «Товарищи,— говорит,— остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси — все равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе».

Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлжности. «Нет,— думаю,— не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вытянут тебя, как падлу, за ноги!» Чуть-чуть рассвело — вижу: рядом со мной лежит на спине мордатый парень, руки за голову закинул, а около него сидит в одной исподней рубашке, колени обнял, худенький такой, курносенький парнишка и очень собою бледный. «Ну,— думаю,— не справится этот парнишка с таким толстым меринком. Придется мне его кончать».

Тронул я его рукою, спрашиваю шепотом: «Ты взводный?» Он ничего не ответил, только головою кивнул. «Этот хочет тебя выдать?» — показываю я на лежащего парня. Он обратно головою кивнул. «Ну,— говорю,— держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да поживей!» — а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой минут несколько, приподнялся. Готов предатель, и язык на боку!

До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал и говорю взводному: «Пойдем отсюда, товарищ, церковь велика».

Как и говорил этот Крыжнев, утром всех нас выстроили возле церкви, оцепили автоматчиками, и трое эсэсовских офицеров начали отбирать вредных им людей. Спросили, кто коммунисты, командиры, комиссары, но таковых не оказалось. Не оказалось и сволочи, какая могла бы выдать, потому что и коммунистов среди нас было чуть не половина, и командиры были, и, само собою, и комиссары были. Только четырех и взяли из двухсот с лишним человек. Одного еврея и трех русских рядовых. Русские попали в беду потому, что все трое были чернявые и с кучерявинкой в волосах. Вот подходят к такому, спрашивают: «Юде?» Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят: «Выходи» — и все.

Расстреляли этих бедолаг, а нас погнали дальше. Взводный, с каким мы предателя придушили, до самой Познани возле меня держался и в первый день нет-нет да и пожмет мне на ходу руку. В Познани нас разлучили по одной такой причине.

Видишь, какое дело, браток, еще с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. До самой Познани, где разместили нас в настоящем лагере, ни разу не предоставился мне подходящий случай. А в Познанском лагере вроде такой случай нашелся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, много тогда нашего брата мерло от дизентерии; рою я познанскую глину, а сам посматриваю кругом и вот приметил, что двое наших охранников сели закусывать, а третий придремал на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошел за куст... А потом — бегом, держу прямо на восход солнца...

Видать, не скоро они спохватились, мои охранники. А вот откуда у меня, у такого тощалого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров,— сам не знаю. Только ничего у меня не вышло из моего мечтания: на четвертые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе.

На заре побоялся я идти чистым полем, а до леса было не меньше трех километров, я и залег в овсе на дневку. Намял в ладонях зерен, пожевал немного и в карманы насыпал про запас — и вот слышу собачий брех, и мотоцикл трещит... Оборвалось у меня сердце, потому что собаки все ближе голоса подают. Лег я плашмя и закрылся руками, чтобы они мне хоть лицо не обгрызли. Ну, добежали и в одну минуту спустили с меня все мое рваньё. Остался в чем мать родила. Катали они меня по овсу как хотели, и под конец один кобель стал мне на грудь передними лапами и целится в глотку, но пока еще не трогает.

На двух мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами били в полную волю, а потом натравили на меня собак, и с меня только кожа с мясом полетели клочьями. Голого, всего в крови и привезли в лагерь. Месяц отсидел в карцере за побег, но все-таки живой... живой я остался!

Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей- товарищей, какие погибли замученные там, в лагерях,— сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать. Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шахте уголек откатывал, и в Баварии на земляных работах горб наживал, и в Тюрингии побыл, и черт-те где только не пришлось по немецкой земле походить. Природа везде там, браток, разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково. А били Богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадет, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево.

Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься... Били запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверно, на всех нас не хватало в Германии...

И кормили везде, как есть, одинаково: полтора ста грамм эрзац-хлеба пополам с опилками и жидкая баланда из брюквы. Кипяток — где давали, а где нет. Да что там говорить, суди сам: до войны весил я восемьдесят шесть килограмм, а к осени тянул уже не больше пятидесяти. Одна кожа осталась на костях, да и кости-то свои носить было не под силу. А работу давай, и слова не скажи, да такую работу, что ломовой лошади и то не впору.

В начале сентября из лагеря под городом Кюстрином перебросили нас, сто сорок два человека советских военнопленных, в лагерь Б-14, неподалеку от Дрездена. К тому времени в этом лагере

было около двух тысяч наших. Все работали на каменном карьере, вручную долбили, резали, крошили немецкий камень. Норма — четыре кубометра в день на душу, заметь, на такую душу, какая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке, в теле держалась. Тут и началось: через два месяца от ста сорока двух человек нашего эшелона осталось нас пятьдесят семь. Это как, браток? Лихо? Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идет, будто немцы уже Сталинград взяли и прут дальше, на Сибирь. Одно горе к другому, да так гнут, что глаз от земли не подымаешь, вроде и ты туда, в чужую, немецкую землю, просишься. А лагерная охрана каждый день пьет — песни горланят, радуются, ликуют.

И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день дождь шел, лохмотья на нас хоть выжми; все мы на холодном ветру продрогли как собаки, зуб на зуб не попадает. А обсушиться негде, согреться — то же самое, и к тому же голодные не то что до смерти, а даже еще хуже. Но вечером нам еды не полагалось.

Снял я с себя мокрое рванье, кинул на нары и говорю: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит». Только и сказал, но ведь нашелся же из своих какой-то подлец, донес коменданту лагеря про эти мои горькие слова.

Комендантом лагеря, или, по-ихнему, лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белобрысый и сам весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы, даже глаза у него были белесые, навывкате. По-русски говорил, как мы с тобой, да еще на «о» налегал, будто коренной волжанин. А матерщинничать был мастер ужасный. И где он, проклятый, только и учился этому ремеслу? Бывало, выстроит нас перед блоком — барак они так называли, — идет перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлете. Она у него в кожаной перчатке, а в перчатке свинцовая прокладка, чтобы пальцев не повредить. Идет и бьет каждого второго в нос, кровь пускает. Это он называл «профилактикой от гриппа». И так каждый день. Всего четыре блока в лагере было, и вот он нынче первому блоку «профилактику» устраивает, завтра — второму и так и далее. Аккуратный был гад, без выходных работал. Только одного он, дурак, не мог сообразить: перед тем как идти ему руку прикладывать, он, чтобы распалить себя, минут десять перед строем ругается. Он матерщинничает почем зря, а нам от этого легче становится: вроде слова-то наши, природные, вроде ветерком с родной стороны подувает... Знал бы он, что его ругань нам одно удовольствие доставляет, уж он по-русски не ругался бы, а только на своем языке. Лишь один мой приятель, москвич, злился на него страшно. «Когда он ругается, говорит, я глаза закрою и вроде в Москве, на Зацепе, в пивной сижу, и до того мне пива захочется, что даже голова закружится».

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня. Вечером приходят в барак переводчик и с ним два охранника. «Кто Соколов Андрей?» Я отозвался. «Марш за нами, тебя сам герр лагерфюрер требует». Понятно, зачем требует. На распыл.

Попрощался я с товарищами — все они знали, что на смерть иду, вздохнул и пошел.

Иду по лагерному двору, на звезды поглядываю, прощаюсь и с ними, думаю: «Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а по-лагерному — номер триста тридцать первый». Что-то жалко стало Иринку и детишек, а потом жаль эта утихла, и стал я собираться с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату, чтобы враги не увидели в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться все-таки трудно...

В комендантской — цветы на окнах, чистенько, как у нас в хорошем клубе. За столом — все лагерное начальство. Пять человек сидят, шнапс глушат и салом закусывают. На столе у них початая здоровенная бутылка со шнапсом, хлеб, сало, моченые яблоки, открытые банки с разными консервами. Мигом оглядел я всю эту жратву, и — не поверишь — так меня замутило, что за малым не вырвало. Я же голодный как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою... Кое-как задавил тошноту, но глаза оторвал от стола через великую силу.

Прямо передо мною сидит полупьяный Мюллер, пистолетом играет, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнет, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щелкнул, громко так докладываю: «Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился». Он и спрашивает меня: «Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки — это много?» — «Так точно,— говорю,— герр комендант, много». — «А одного тебе на могилу хватит?» — «Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется». Он встал и говорит: «Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно, пойдем во двор, там ты и распишешься», — «Воля ваша», — говорю ему. Он постоял, подумал, а потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан шнапса, кусочек хлеба взял, положил на него ломтик сала и все это подает мне и говорит: «Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

Я было из его рук и стакан взял и закуску, но, как только услышал эти слова, меня будто огнем обожгло! Думаю про себя: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое-чего ты не хочешь, герр комендант? Один черт мне умирать, так провались ты пропадом со своей водкой!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: «Благодарствую за угощение, но я непьющий». Он улыбается: «Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою погибель». А что мне было терять? «За свою погибель и избавление от мук я выпью»,— говорю ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдемте, распишете меня».

Но он смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подает мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: «Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться». Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему свое: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щеки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки: видно, переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил вразяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьезный с виду, поправил у себя на груди два Железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я — тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость»,— и подает мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала.

Прижал я хлеб к себе изо всей силы, сало в левой руке держу и до того растерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: «Засветит он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам этих харчей».

Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от нее потянуло...

Вышел я из комендантской на твердых ногах, а во дворе меня развезло. Ввалился в барак и упал на цементовый пол без памяти. Разбудили меня наши еще в потемках: «Рассказывай!» Ну, я припомнил, что было в комендантской, рассказал им. «Как будем харчи делить?» — спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. «Всем поровну», — говорю ему.

Вениамин Александрович Каверин «Сила сильных»

- (1) Почти невозможно было представить себе, что лишь неделю назад он защищал диссертацию на тему «Древнейшие сказания европейских народов». (2) А теперь?.. (3) Мёртвое, взрытое снарядами поле лежало перед ним, земля, на которой был посеян и взошёл хлеб, а потом сгорел и был развеян по ветру вместе с пороховым дымом, земля, на которой было сделано всё, чтобы человек не мог на ней существовать.
- (4) По одну сторону этого куска земли лежали, спрятавшись за глинистыми буграми, гитлеровцы, пришедшие в чужую, далёкую страну по приказу своего фюрера, уничтожающие, сжигающие всё на своем пути. (5) Неподалёку от них, по эту сторону мёртвого ржаного поля, лежал только один — кандидат филологических наук, младший лейтенант Лев Никольский.
- (6) Он был окружён и по всем правилам войны должен был положить оружие и сдаться в плен победителям. (7) Но он не считал себя побеждённым: пулемёт ещё работал, а если бы он замолчал, в ход пошли бы винтовка и гранаты. (8) Впрочем, он был не один. (9) Двенадцать мёртвых товарищей, которые ещё вчера вместе с ним защищали этот голый кусок земли с одинокой берёзой, лежали вдоль траншеи.
- (10) Тринадцатый оказался живым. (11) Это был разведчик Петя Данилов, любимец всего полка, талантливый и умный парень, писавший стихи и читавший их вслух в самые горячие минуты боя. (12) Теперь он лежал, раненный в грудь навывлет, и смотрел в небо, осеннее, но ясное, с редкими, освещёнными снизу облаками. (13) Берёза вздрагивала от выстрелов, и жёлтые листья время от времени падали на раненого. (14) Один лист упал Пете на лицо, но Петя не смахнул его, не пошевелился.
- (15) В одну из редких пауз тишины Никольский подполз к Пете и, смахнув лист, взял его за руку.
- (16) Ну как ты, а?
- (17) Ничего, — чуть слышно ответил Петя, — дышать трудно. (18) Послушай... — он помолчал, потом стал с трудом вынимать из кармана гимнастёрки бумаги.
- (19) Тут мои стихи остались, пошли их вместе с письмом, ладно?
- (20) Должно быть, не больше пяти минут он провёл с Петей, а уж немцы, воспользовавшись тем, что пулемёт замолчал, намного продвинулись к траншее.
- (21) Никольский дал очередь, другую — они залегли. (22) Потом снова стали приближаться, прячась между редкими пучками ржи, торчавшей в поле. (23) Плохо было то, что слева, метрах в двухстах от берёзы, стояло орудие. (24) Правда, оно стреляло не по траншее, а в глубину, туда, где на горизонте были видны тёмные, ещё дымящиеся развалины сгоревшей деревни. (25) Но в любую минуту оно могло ударить и по траншее, которую защищало подразделение, состоящее из двенадцати убитых, одного серьёзно раненного и одного живого. (26) Эх, подобраться бы к этому орудию! (27) И тропка была — вот там, где за выходами взрытой бурой земли начиналось болотце с высокой травой. (28) Но нечего было и думать! (29) Он понимал, что немцы захватят траншею, едва только замолчит пулемёт...

(30)Никольский прислушался, и в первый раз его сердце дрогнуло, и он крепко сжал зубы, глаза, всё лицо, чтобы справиться с невольным волнением. (31)Петя читал стихи, он бредил, но голос был ясный, звонкий:

Есть улица в нашей столице,
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом...

(32)Петя читал, закрыв глаза, и каждое слово доносилось отчетливо и плавно. (33)У него было потемневшее страшное лицо, когда, сунув в кружку с водой руку, он начал водить ею по лицу, по глазам. (34)Потом вылил воду на голову и, тяжело опершись на Никольского, пополз к пулемёту.

— (35)Есть! (36)Иди, — сказал он, схватившись за ручки пулемёта...

(37)Пробираясь по тропке к болотцу, Никольский услышал звонкий Петин голос, читавший стихи между пулемётными очередями:

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз.
Иль наши любовные речи
И ласки, и ласки до слёз?

(38)Втянув голову в плечи, он мягко опустился в траву и бесшумно пополз, скорее угадывая, чем видя чуть примятую, пересекавшую болото тропинку. (39)Он подобрался к орудию сзади и некоторое время лежал, слушая, как немцы разговаривали резкими уверенными голосами. (40)Он ждал, когда весь расчёт соберётся возле орудия...

(41)Немцы, занявшие траншею, были захвачены врасплох, и первым снарядом из уже заряженного орудия Никольский убил сразу же человек двадцать. (42)За стихи, которые Петя читал между пулемётными очередями! (43)За дымящиеся развалины сожжённой деревни! (44)За ограбленных женщин и детей, бродящих по лесам без крова и пищи. (45)За горе каждой семьи, за разлуку с близкими, за Аню с маленьким сыном, которых он, может быть, больше никогда не увидит...

Н.В. Гоголь, «Тарас Бульба». Простить измену можно, если человек оказался перед сложнейшим выбором, где не было правильного ответа. Именно так произошло с Андрием. Он был казаком, воевал вместе с товарищами и участвовал в осаде города Дубно, где по воле рока оказалась его возлюбленная — польская панночка. Андрий узнал о ее несчастье от служанки и не мог проигнорировать ее мольбу. Проникнув в город, он увидел всю жестокость своего народа, который без особых причин напал на поляков и объявил настоящую блокаду. Эта осада была не войной, а геноцидом. Без еды погибали дети, старики, женщины. Страшные картины поразили Андрия. Он пришел к полячке и пал к ее ногам. Он понимал, что оказался перед выбором без выбора: либо любовь, либо семья и Родина. И совместить эти интересы было не дано. После всего, что увидел Андрий, он не смог вернуться к своим и предать ослабевшую панночку, которая доверила ему тайну черного хода в город. Не менее сложно было переметнуться на сторону неприятеля. Но он сделал свой выбор, за который человека сложно осуждать. Андрия можно простить и понять, потому что на его месте большинство людей поступили бы точно так и никак иначе.

Л.Н. Толстой, «Война и мир». В своем романе Толстой затрагивает тему верности Родине. Примером героя, который по-настоящему отдает всего себя на войне, является Михаил Илларионович Кутузов. Он был действительно талантливым стратегом и патриотом. Он ценил не только свое Отечество, как что-то абстрактное, но и каждого солдата своей армии. Потому он порой принимал непопулярные решения, которые были оправданы со стратегической точки зрения, но не приносили похвалы и награды. Фельдмаршал жертвовал карьерой и добрым именем, чтобы спасти солдат и сохранить боеспособность России. Император и его приближенные хотели славы и чинов, не думали о простых людях, поэтому хотели сражений и побед любой ценой. Кутузову стоило огромных трудов уговорить их подождать и подумать наперед. Только благодаря его стараниям и отваге бойцов удалось сломить волю нападающих и вынудить их покинуть Россию. Кутузов был предан своей миссии и стране, что выражалось в его стремлении уберечь солдат от бессмысленных боев и выиграть войну без больших потерь.

А.С. Пушкин, «Капитанская дочка». Верности требует и любовь к Родине. Она ярко представлена нам автором в этой повести. Патриотизм прослеживается на примере таких героев, как Петр Гринев и капитан Миронов. А вот предатели изображены в лице Алексея Швабрина. Когда предводитель крестьянского восстания Пугачев осаждает Белогорскую крепость, многие служащие отказываются присягнуть ему, так как это будет означать измену Родине и своему слову. За это их ждет смерть через повешение. Капитан Миронов жертвует жизнью ради своих убеждений, как и его жена. Петру чудом удается выжить, но он все равно остается на своей стороне и воюет против мятежников, не боясь их гнева и мести. На войне они проявляют стойкость, как и подобает офицерам. А вот те, кто не так высоко ценил свое слово, например, Швабрин, смогли остаться живыми и даже получить должности при новой власти. Однако это совсем не делает их более счастливыми людьми, ведь человек без принципов и чести не сможет ощущать себя полноценным уважаемым членом общества. Швабрин не раз изменял своему слову, предавал товарищей и Родину. За это автор наградил его печальной судьбой: позором и тюрьмой. Это говорит о том, что преданность Отечеству — необходимость для гражданина. Без нее личность теряет связь со страной и приходит к полной нравственной деградации.

М.А. Шолохов, «Судьба человека». В этом произведении поднимается тема верности своему Отечеству. События разворачиваются на фоне Великой Отечественной войны. Главный герой Андрей Соколов добровольно идет на фронт, оставляя дома семью. В эпизоде в церкви, когда

герой попал в плен, он доказывает свою преданность Родине и товарищам. Соколов решает убить предателя, который намеревался сдать своего сослуживца ради личной выгоды. Честь и принципы главного героя не позволили ему дать этому сбыться. Андрей рискнул жизнью, чтобы пресечь донос и спасти невиновных пленников. Следующий эпизод в плену, когда Андрей делится небольшим куском хлеба и сала со всеми своими товарищами, вместо того, чтобы съесть самому. Это показывает его преданность своим убеждениям даже в такие тяжелые времена. Этого героя можно назвать верным во всех смыслах. Он был верен своему слову, своей семье и Родине. Такой человек действительно вызывает уважение, потому что готов постоять за страну даже на войне.

3.Верность родной земле. Н.С. Лесков, «Левша». История любви и преданности своей Родине была рассказана автором в данном произведении. В центре сюжета находится тульский оружейный мастер, у которого были золотые руки. Все звали его Левшой. Однажды государь решил доказать англичанам, что русские мастера более умелые, чем английские. Потому он поручил создать что-то более уникальное, чем стальная блоха. Поручили это дело Левше и его товарищам из Тулы. Несколько дней сидели они в избе и не выходили. И когда вышли, они представили ту же самую блоху. Но на деле оказалось, что они кое-что добавили. Мастера смогли подковать блоху крошечными подковами. Это было невообразимое мастерство, за которое Левшу умоляли остаться в Англии. Ему пообещали большой доход, уважение, новую технику и даже жену. Но патриотизм и любовь к своей малой Родине не дали герою остаться на чужой земле. Несмотря на предложение о карьере и больших деньгах, герой вернулся домой, да еще и со вражеским секретом. Он предпочел остаться неизвестным мастером на родной земле, чем разбогатеть, но на чужбине. Он думал не о себе, а о развитии Отечества.

...Взяли англичане левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учен, но они им не интересовались, а левшою интересовались, — и пошли они левшу водить и все ему показывать. Он смотрел все их производство: и металлические фабрики и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчет рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые штилеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукою стирабельная дощечка: все, что который мастер делает, — на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цифирях написано, то и на деле выходит. А придет праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на все их житье и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколь то, как старые в каком виде состоят. Все обойдет и хвалит, и говорит: — Это и мы так можем. А как до старого ружья дойдет, — засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет:

— Это, — говорит, — против нашего не в пример превосходнейше. Англичане никак не могли отгадать, что такое левша замечает, а он спрашивает: — Не могу ли, — говорит, — я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет? Ему говорят: — Которые тут были, те, должно быть, глядели. — А как, — говорит, — они были: в перчатке или без перчатки? — Ваши генералы, — говорят, — парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам: — Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем у вас очень доволен и все, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По суше его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите. — Мы на буреметр, — говорят, — смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас Финский залив, а тут настоящее Твердиземное море. — Это все равно, — отвечает, — где умереть, — все единственно, воля божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать...

4. Верность и измена традициям. Надо ли хранить верность традициям?

А.С. Пушкин «Капитанская дочка». В своем историческом романе автор рассказывает историю молодого дворянина Петра Гринева. Еще в самом начале романа можно понять, какими нравственными принципами живут его родители. Отец дает Петру очень важный совет, когда тот собирается уезжать на службу в Белогорскую крепость. Он говорит: «Береги честь смолоду». Этой пословицей жил отец главного героя, а впоследствии и сам герой. Не раз Петра спасало именно то, что он поступал по совести. Например, когда Гринев с Савельичем заблудились в поле во время пурги, их спас бедный мужичок. Петр был безгранично благодарен своему спасителю, и, увидев, что тот ходит в очень тонкой одежде в лютый мороз, подарил ему свой заячий тулуп, хотя и не был обязан делать это, поскольку он уже поблагодарил его другим способом. Этот честный и добрый поступок в будущем поможет герою избежать казни. Так что можно сказать, что ценности, заложенные родителями, помогли Петру в жизни.

А.С. Грибоедов, «Горе от ума». В этой комедии мы видим, как семейные ценности зависимы от общественных. Фамусовское общество живет старыми идеями, которые существовали несколько поколений. Так жили и родители Фамусова, так будут жить и его внуки. Его окружением одобряются и даже поощряются лицемерие, чиновничество, невежество, лень. Фамусов мечтает сжечь все книги и навеки законсервировать угодный московскому дворянству застой. Все юноши предпочитают выслуживаться и льстить, чтобы построить карьеру, а девушки ценят в избранниках лишь размер кошелька и цвет орденских ленточек. Ничего удивительного, что человека с прогрессивными ценностями это общество просто-напросто осмеяло и выгнало. Чацкий был надеждой на спасение душ и умов, однако из-за нежелания развиваться они навсегда останутся наедине со своим узким мышлением. Интересно, что пороки отцов в пьесе передаются детям и образуют замкнутый круг: лживый и фальшивый Фамусов смог научить свою дочь лишь лицемерию и искусству обманывать отца. Она сама скрывала свое увлечение Молчалиным, как и Фамусов маскировал свою страсть к Лизе. Этот пример учит нас тому, что далеко не все традиции семьи нужно беречь и передавать из поколения в поколение. Ведь некоторые из них откровенно вредят людям.

А.Н. Островский, «Гроза». Но иногда традиции бывают абсурдными и нелепыми, и в этом случае следование им — глупый поступок. В этом мы убеждаемся на примере семьи Кабановых. Марфа Игнатьевна считала себя источником купеческой мудрости. Она во всем ориентировалась на «Домострой», но толковала его по-своему. В ее доме хозяином был вовсе не мужчина, а она сама. Сын был у нее под каблуком, она жестко пресекала все попытки детей взять ответственность в свои руки. Она точно знала, как им нужно общаться друг с другом, что должны делать при прощании и встрече муж и жена, как низко нужно кланяться старшим. Всеми этими сомнительными правилами она отравила атмосферу в доме, где все стали марионетками и действовали по строго очерченному плану. Бесконечная погоня за устаревшими нравами привела к полному распаду семьи: Варвара убежала, Катерина бросилась в воду, Тихон во всем обвинил мать и взбунтовался. Нелепые устои прошлого не скрепили, а разрушили отношения между героями.

5. Верность и измена слову.

Н.М. Карамзин, «Бедная Лиза». Когда человек не сдерживает слово, он предает самого себя. В этом мы убеждаемся на примере Эраста. Дворянин познакомился с крестьянкой и полюбил ее. Ему казалось, что он готов на решительный шаг, и он пообещал, что женится на Лизе. Когда сын преуспевающего крестьянина сватался к ней, она отказала, ведь была связана с другим. Но Эраст, в отличие от Лизы, позабыл о данной клятве. Он растратил весь капитал и принял решение жениться по расчету на богатой вдове. На этом он хотел поставить точку в истории с Лизой, но девушка не смогла забыть своего любимого. Она бросилась в воду от горя и обиды. А Эраст чувствовал себя виноватым в этой смерти и не был счастлив. И он был прав: не сдержав слова, он предал Лизу, но самое страшное, что он изменил себе и потерял право уважать себя. Он не мог смириться с тем, что оказался таким подлецом.

А.И. Куприн, «Гранатовый браслет». О верности своему слову писал Куприн в своей знаменитой повести. Георгий Желтков годами писал анонимные любовные письма Вере Шеиной. Сначала они не могли быть вместе, потому что Вера была из рода аристократов, а Георгий — мещанином. Потом она вышла замуж за того, кто был ей равным, и была счастлива в браке. Но Желтков все продолжал писать послания, потому что не мог забыть о своей любви и держать ее в себе. Никто не придавал значения его признаниям, в доме Шеиных над ними посмеивались. Но когда Василий и Николай решили найти Георгия и отдать ему неуместный подарок, они услышали еще более невероятные слова о том, что Желтков не представляет жизни без этих писем. Николай не поверил ему, попросил не драматизировать и смириться с неизбежностью. Но Георгий сдержал свое слово и убил себя. Он был верен себе до конца и не бросал на ветер таких признаний.

А.де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (отрывок).

— И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

— Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно маленького ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

— Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

— Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня — точно родник в пустыне.

— Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

— Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

— Послушай, малыш, ведь все это — и змея, и свиданье со звездой — просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

— Самое главное — то, чего не увидишь глазами... — сказал он.

— Да, конечно...

— Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.

— Да, конечно...

— Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а все из-за ворота и веревки... Помнишь? Она была очень хорошая.

— Да, конечно...

— Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто — одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

— Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

— Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой...

— Как так?

— У каждого человека свои звезды. Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они — как задача, которую надо решить. Для моего дельца они — золото. Но для всех этих людей звезды — немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

— Как так?

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

— И когда ты утетишься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.

И он опять засмеялся.

— Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

— Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

— Я тебя не оставлю.

— Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

— Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

— Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

— Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

— Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В эту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

— А, это ты... — сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

— Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

— Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

— Но это все равно, что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:

— Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиться...

Я молчал.

— Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...

— Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

— Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

— Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.